

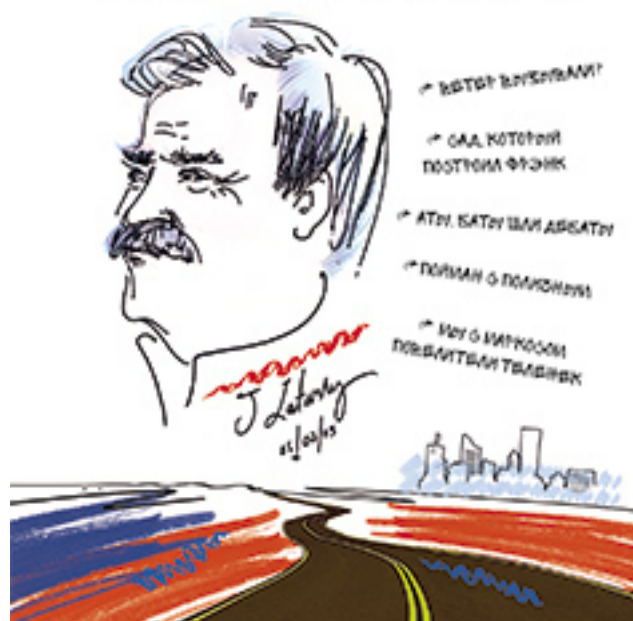
ЭДУАРД ГОВОРУШКО

*

КОШЕЛЁК.

ЭТЮДЫ ИЗ МОЕЙ

АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ - 2

Эдуард Говорушко

**Кошелёк. Этюды из моей
американской жизни – 2**

«У Никитских ворот»

2025

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.4

Говорушко Э. Л.

Кошелёк. Этюды из моей американской жизни – 2 /
Э. Л. Говорушко — «У Никитских ворот», 2025

ISBN 978-5-00246-437-1

«Кошелёк» - продолжение этюдов об американской жизни журналиста Эдуарда Говорушко, более четверти века живущего в США, но не разорвавшего духовной связи с родиной. Остроумные заметки о жизни пенсионера в эмиграции, сознательно выбравшего зарабатывать на жизнь не привычным интеллектуальным, а вполне себе физическим трудом, полны любопытных наблюдений и деталей, которые могут быть интересны самому широкому кругу читателей. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.4

ISBN 978-5-00246-437-1

© Говорушко Э. Л., 2025
© У Никитских ворот, 2025

Содержание

От автора	6
Яблоко от яблони недалеко падает	7
С Катей по Черногории	14
Счастливчик Джордж	17
Почему не подстраховаться	23
И каждый раз навек прощайтесь, когда уходите на миг	25
Мёд	26
На кейп-код! На грибалку!	28
Нахлынуло	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Эдуард Лукич Говорушко
Кошелёк
Этюды из моей американской жизни – 2

© Говорушко Э.Л., 2025

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот», 2025

От автора

Четыре года назад в моем любимом московском издательстве «У Никитских ворот» вышла десятая книга с моим именем на обложке «Винегрет» (Этюды из моей американской жизни). Мне – восемьдесят два. Думал, что это уже моя последняя книжка. Но Бог и моя Жизнь дали мне возможность быть, способность думать и желание писать. Так что перед тобой, читатель, вторая книга этюдов из моей американской и (не) американской жизни. Потому что, к счастью, для меня США стали не местом иммиграции, а лишь одним из мест жительства. Места проживания мне еще довольно часто удается менять на разные по длительности сроки, что, признаюсь, делает мое бытие более ярким и содержательным. Кроме того, охота к перемене мест позволила населить обе книги множеством интересных мне людей и коллизий, которые, надеюсь, окажутся любопытными и для читателя.

Подобных мне вполне можно назвать путешественниками во времени, а не только в пространстве. Родился и воспитан я в далеком прошлом, в стране, которой уже давно нет на политической карте мира. Своей жизнью и принципами, привитыми мне родителями и обществом в той стране, горжусь. Благодаря советскому воспитанию до сих остаюсь уважающим себя человеком, что для меня значит не меньше, если не больше, чем уважение посторонними.

На происходящее в окружающей меня современной действительности смотрел и смотрю глазами человека из прошлого. В этом, думаю, уже убедились читатели первой книги «этюдов», а также имеют возможность почувствовать читатели новой.

Хотя тексты в обоих сборниках и не привязаны к конкретным датам, если их издать под одной обложкой, сложится своеобразный обзор жизни путешественника во времени за последние шесть лет. Вехи времени чаще всего видны из контекста. Впрочем, в приложении опубликованы эссе и путевые заметки, написанные год спустя после переезда в США.

Как и в первую книгу, в новую включены несколько рассказов и повесть.

Про «Винегрет» я получил довольно много комплиментарных отзывов. Надеюсь, и «Кошелёк» вы откроете если и без удовольствия, то с интересом.

В заключение хочу поблагодарить за участие и помощь в создании этой книги моего друга и коллегу Валерия Васильевича Минаева.

Рисунок на обложке 22 года назад сделал мой друг, талантливый ленинградский художник Иосиф Латинский (1940–2005) – известный книжный иллюстратор и портретист.

В конце 1980-х годов вместе с семьей Иосиф эмигрировал в США, поначалу жил и работал в Бостоне, позже переехал в Нью-Йорк. При этом не скрывал, что душа его осталась в России. Пока был жив, регулярно участвовал в артфестивале «Белые ночи» в Санкт-Петербурге, его мастер-классы привлекали много детей и молодежи. В силу сложных семейных и внешних обстоятельств покончил жизнь самоубийством. Иосиф Латинский стал прототипом моей книги «Immigrantу, или Неслучайное стечение случайных обстоятельств».

На этот рисунок мастеру потребовалось менее 15 минут, как говорится, между делом. Очень рад, что издательство предоставило возможность напомнить об этом рано ушедшем из жизни художнике через 20 лет после его смерти.

Яблоко от яблони недалеко падает

Еще с давних советских времен помню: баня полезна каждому, кто может до нее доползти. А уже тут узнал, если не менее четырех раз в неделю потеть в сауне по пятнадцать минут, а потом, как в прорубь, под холодный душ, продляешь здоровую жизнь года на три, а то и больше. Несмотря якобы даже на ковид со всеми его мутациями, в том числе последней южноафриканской. Потому что таким способом повышается уровень естественного иммунитета.

На этот счет я имею подтверждение от эксперта-иммунолога, с которым познакомился в... сауне. Подробности, как говорится, ниже. Хотя в моем случае не в иммунитете дело – люблю баню с детского возраста, когда о нем и слыхом не слыхивал. После парилки всегда чувствую такую легкость в теле, будто заново родился. Вот почему и сейчас имею обыкновение и возможность ходить в сауну почти каждый день. Спортклуб-дворец, которому я, как пенсионер, плачу 69 долларов в месяц, находится в шаговой доступности, в велосипедной же – и того ближе. Довольно быстро я раскусил: чем чаще навещаешь клуб, тем дешевле обходится разовое посещение. На тренажерах занимаюсь редко, хватает силовой утренней зарядки и ходьбы с тележками на работе. Влечет меня бассейн, комфортабельная сауна с хорошей температурой и парная. К сожалению, веник под запретом. Как я понимаю, из-за засорения помещения листьями, а может, и потому, что париться с веником – не в американской традиции.

Ковид – катастрофа

А теперь – к подробностям. В сауне, на мой взгляд, все же есть один жирный плюс по сравнению с русской: возможность спокойно пообщаться в процессе безмятежного потоотделения. Признаюсь, здесь я – собеседник никакой из-за хромящего английского. Но однажды, когда я остался в сауне вдвоем с симпатичным молодым человеком, вдруг вспомнил, как в магазине он с кем-то перекинулся русскими фразами. Память не подвела. Иммунолог Иосиф Герштейн, привезенный в трехлетнем возрасте в США, удивил меня тем, что в свои тридцать четыре прекрасно говорил по-русски. Чем я и воспользовался, для начала – прямо в сауне.

– Иосиф, уже очевидно, что Covid-19 сейчас больше, чем болезнь, а нынешняя пандемия – это экономический, политический, социальный и психологический коллапс. Почему, на ваш взгляд, так вышло? Нет ли в этом явлении влияния какого-то менеджмента со знаком минус?

– Если вы имеете в виду, что пандемия возникла и развивается по кем-то разработанному злонамеренному сценарию, то, на мой взгляд, это миф. Фармацевтические компании, конечно, зарабатывают на производстве вакцин и лекарств, но это деньги за праведное дело.

Так почему же развился такой кризис? Вирус новый, неизученный, сразу же заявил о себе высокой заражаемостью и большим количеством смертей. Самолеты и поезда, другие виды общественного транспорта способствовали его быстрому распространению по миру. А современные средства коммуникации с большой скоростью сеяли панику. Стоило кому-то снять на телефон, как пассажир кашляет и теряет сознание от ковида в самолете, как уже через несколько часов эти кадры могли увидеть во всем мире. Такого не было в прошлом ни при одной, даже более страшной, пандемии.

Специалисты, правительства, а за ними и обыватели были напуганы, а страх – плохой советчик в поиске правильных решений. Отсюда разного рода мифы, многие озаботились тем, что вирус будто бы разработан и запущен с какой-то неясной апокалиптической целью, что прививки опасны и их нужно избегать. В результате мир раскололся на приверженцев и отрицателей прививок.

– И все же, как по-вашему, этот вирус искусственного или естественного происхождения?

– Существуют две гипотезы на этот счет. Одна – о естественном появлении вируса Covid-19 из животного мира, другая – о разработке в лаборатории и о случайной утечке. Могу сказать, что в злонамеренное распространение искусственного вируса я не верю. Но, проанализировав доказательства обеих гипотез, склоняюсь к версии случайной утечки вируса из лаборатории. Правду, думаю, мы никогда не узнаем, слишком много людей, да и ряд правительств заинтересованы в том, чтобы ее скрыть. Отсюда и ложь, сокрытие и даже уничтожение лабораторных и иных документов. Мне досадно, что мир раскололся, если так можно выразиться, на вакцинистов и антивакцинистов. Ряд государств приняли, по сути, решение о принудительной вакцинации, не допуская непривитых жителей к участию в массовых мероприятиях, а кое-где даже и к работе в офисах. Предполагается, что таким образом удастся ускорить темпы вакцинации, чтобы быстрее достичь так называемого коллективного иммунитета. Что ж, каждое правительство вправе решать, как будет взаимодействовать со своими гражданами в этой сложной ситуации. Я сам, кстати сказать, привился, но тем не менее считаю, что не следует демонизировать и исключать из публичной жизни тех, кто принял решение отказаться от вакцины. Это их право.

– А чем и когда, как говорится, сердце успокоится?

– Уже появились работающие вакцины, хотя они частично теряют защитные свойства с распространением новых мутаций. Есть моноклональные антитела. Вот-вот выйдут на рынок очень эффективные лекарства от Covid-19. Знаю, что компания Pfizer, в частности, уже заканчивает испытания таблетки для лечения этой болезни. Сердце успокоится, когда каждый человек, осознавая степень личного риска, примет весь комплекс мер, необходимых, чтобы защитить свое здоровье. Государство со своей стороны должно обеспечить свободу выбора и использовать все возможности, чтобы эта защита была эффективной. Мне все же представляется, что мир приближается к состоянию, когда мы спокойно сможем сосуществовать с этим вирусом.

Пример Японии, где люди доверяют своим ученым и правительству и соблюдают все меры личной безопасности, достаточно убедителен и подрывает аргументы противников вакцинации.

Не исключено, однако, что после нейтрализации вируса Covid-19 могут появиться новые, еще более злобредные. А потому очень важно, чтобы каждый с сознательного возраста сам заботился о своем здоровье, о повышении уровня своего иммунитета. Наилучший выход – регулярно заниматься физкультурой, отказаться от вредных привычек, следить за хорошим уровнем витамина D и... ходить в баню.

РУССКИЙ ЯЗЫК В НАСЛЕДСТВО

Естественно, такого журавля в небе журналисту было грешно не попытаться приручить. Что я и сделал, договорившись об интервью с Иосифом Герштейном уже вне сауны.

Я не силен в описании внешности, да и считаю, что она обманчива, далеко не всегда бывает отражением внутренней сути. Но Иосиф, на мой взгляд, являет собой тип современного успешного молодого человека. Среднего роста, накачанный и спортивно сложенный брюнет с бакенбардами и модной бородой. Эта самая борода, видимо, призванная когда-то добавить солидности, теперь, как ни странно, молодит его. Видел фотоснимки Иосифа в разном возрасте и разных ипостасях. Он никогда не носил галстука, даже тогда, когда читал лекции о том, как создать прибыльный стартап. Но и в свободной, не стесняющей движения одежде – майка или легкий свитер, иногда под пиджаком, джинсы и кроссовки, он выглядит уверенным, знающим цену себе и своему мнению. Не прочь подискутировать на любые темы, в том числе

на философские, что есть истина, например. Однако, как признался мне Иосиф в той же сауне, всегда готов прислушаться и рад принять убедительные аргументы оппонента.

– Иосиф, я знаю молодую семью, перебравшуюся в Бостон из Риги в начале 90-х годов прошлого века с двумя малолетними детьми. Бабушка, приехавшая в гости через два года, с внуками общалась только через переводчицу, родную дочь. Для бабушки это стало трагедией, зато зять и дочь гордились тем, что дети – американцы, «перфектно» знают новый для них язык. А все потому, что сделали все возможное, чтобы они скорее забыли русский: с первых шагов на «новой родине» в семье принципиально говорили только на английском. В вашей семье, судя по всему, было по-другому?

– У меня две бабушки, и они здесь, в Бостоне. Я их очень люблю, стараюсь помогать как могу; мы говорим и думаем на одном языке. В нашей семье, сколько я себя помню, всегда говорили по-русски. Отец с мамой хотели, чтобы мы со старшим братом Аркадием не только знали родной язык, но и воспитывались и жили в американской и русской культуре. Родители эмигрировали из Горького (теперь Нижний Новгород) по политическим мотивам в 1989 году, еще из СССР. Отец, Михаил Львович, был довольно известной в городе личностью, участвовал в политической демонстрации, за что был арестован.

– Можно представить, что у них было гораздо больше оснований для неприязни и к бывшей родине, и к русскому языку, чем у моих рижских знакомых. Так ведь?

– Не знаю, это из сферы субъективных оценок. Одно могу сказать, горжусь: они люди разносторонние, с широким кругозором, хорошо образованные. Мама, Мария Кимовна, преподавала физику, но ее всегда интересовала литература, театр, кино, она хотела даже поступить в институт кинематографии.

Папа, Михаил Львович, известен в научных и литературных кругах Бостона, Нью-Йорка, Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода. Он – ученый-физик, еще в нижегородский период автор ряда научных работ и новой теории, объединяющей электричество и гравитацию. Между прочим, отец – физик потомственный, мой дед Лев Герштейн тоже был известным ученым, лауреатом Государственной премии СССР. Свою первую научную статью я посвятил именно ему.

Конечно же, родители понимали, что язык не виноват. Язык – достояние предков; его, как говорят, за плечами не носить, а в карьере и здесь может быть подспорьем. Папа, между прочим, пишет прекрасные стихи на русском, издал несколько книжек стихов и прозы. Физик и лирик в одном лице.

– Как сложилась их жизнь и карьера в Бостоне?

– Как мне представляется, интересно и очень творчески. У отца много интересных научных работ, авторских и совместных. Одна из них, вызвавшая конструктивную международную дискуссию в научном мире, написана коллективно, вместе с дедом, моим старшим братом Аркадием и еще одним ученым Олегом Карагеозом. Впрочем, его научной и писательской деятельности посвящен ряд работ, краткий обзор которых можно найти в интернете.

– Да, я нашел и с удовольствием ознакомился. Можно только поражаться разносторонности его интересов. Ведь Михаил Львович Герштейн был соавтором ряда сценариев документальных фильмов, снятых режиссером Марией Герштейн, вашей мамой.

– Сквозная тема ее фильмов – жизнь людей, связанных с двумя культурами. Надо ли говорить, что навеяна она и жизнью нашей двуязычной и двукультурной семьи в эмиграции.

Среди героев этих фильмов такие хорошо известные на Западе и в России писатели, как Илья Эренбург и Владимир Набоков, а также и современники, представители ряда творческих профессий из «русского Бостона». Самый новый фильм – о художнице Соне Шиллер.

Ленты о Владимире Набокове и Илье Эренбурге были показаны по ряду телеканалов и получили хорошие отзывы.

Между прочим, мама с папой десять лет назад побывали на своей родине в Нижнем Новгороде. Мама показала землякам фильм «Набоков. Счастливые годы», а папа презентовал книгу стихов «Люблю, но разве может слово». Оба произведения были хорошо встречены, родители вернулись из России вдохновленными.

– Мне представляется, что обо всей вашей семье давно нужно снять документально-художественный фильм. Вы так похожи с отцом, что могли бы сыграть его в молодые нижегородские годы. Не удивлюсь, если вы тоже пишете стихи.

– Спасибо. Да, я тоже пишу стихи, а в юные годы иногда даже на русском языке. Сейчас только по-английски. Ряд из них опубликованы. Мама, кстати сказать, сняла два коротких фильма о папе. В картине «Снежинки тают на губах» он читает свои стихи, вторая, «В зачарованном царстве своем», о нижегородском периоде его жизни. Обе ленты были показаны на одном из американских каналов, их можно посмотреть в YouTube.

– Не знаю, читаете ли вы статьи о родителях в интернете на русском. В одном из интервью, будучи уже известным режиссером-документалистом, Мария Герштейн вспоминала о первых годах иммиграции, которых коснулись и мы: «Я всегда понимала, что главный фокус мой – это дети. Мы пытались сохранить русский язык для них. Я читала им по-русски, прочитала вслух Толстого – «Анну Каренину» и «Войну и мир». Оба сына прошли курс русской литературы, у нас есть в Ньютоне русская студия. И это даже послужило темой моего первого фильма «Русская студия»».

– Действительно, пропустил. Но тут мне уж нечего добавить.

ШКОЛА МУЖЕСТВА

Толерантности к чужому мнению Иосифа во многом научила Ньютонская High school, хотя и своеобразным способом. Настолько своеобразным, что, отвечая на вопрос об этом времени, не может удержаться от гнева.

– Школу свою я до сих пор вспоминаю с досадой. Большинство учителей там были людьми ограниченными, не умели и боялись мыслить, пугались неудобных вопросов, политизировали любую тему. Администрация же их поддерживала и давила на юных нонконформистов. А я оказался именно таким, спорил, высказывал иное мнение, что буквально выводило наставников из себя. Злились, жаловались на мою строптивость, я, дескать, срываю занятия, мешаю другим. Без горечи и разочарования не проходил ни один школьный день. Меня не любили многие учителя, я не любил их, что, естественно, отрицательно сказывалось на моих оценках.

– Как же относились к этой ситуации родители? Ведь им, естественно, хотелось, чтобы сын не только хорошо учился, но и умел строить конструктивные взаимоотношения с учителями.

– Отец с матерью, конечно же, волновались за меня, тяжело переживали мое школьное диссидентство. Но верили мне и понимали меня. Тем более что у меня, например, не было никаких претензий к учительнице биологии, которая смогла увлечь меня своим предметом. Я ценил преподавателей психологии и математики.

– Похоже, однако, школу вы благополучно окончили и поступили в университет?

– Как говорится, нет худа без добра. Нелюбовь к школе подвигла меня на неожиданный для родителей и неординарный для меня самого поступок: я решил ее окончить не за четыре, а за три года, чтобы поскорее «эмигрировать» в университет Брандайса. Так и сделал к удовлетворению всей семьи. Учился там с удовольствием, завидовал сам себе, восхищался профессорами и свободной атмосферой, располагающей к познанию не только наук, но и себя. Теперь, оглядываясь назад, вижу, что и такой школьный опыт не прошел даром. В какой-то степени

школа научила меня мужеству в отстаивании своей точки зрения, несмотря на официальное давление.

БРАК ПО РАСЧЕТУ, А ЖИЗНЬ ПО ЛЮБВИ

Частное университетское образование в США славится не только своей престижностью, но и дороговизной. Не многие могут позволить себе бакалавриат, уже не говоря о магистратуре или втором высшем образовании. Хотя Иосиф с юных лет увлекался биологией и пять лет назад основал институт исследования иммунологий, в университете получил диплом финансиста.

– Каковы сейчас ваши взаимоотношения с университетской специальностью?

– Моя университетская профессия – вроде брака по расчету, я точно знал, что она мне будет хорошей помощницей в бизнесе, а биологию люблю с ранних школьных лет. Занимала меня и физиология человека, проблема, как прожить дольше, сохраняя при этом здоровье и интерес к жизни. В Бостонском университете прослушал все лекции замечательного физиолога, профессора Андрея Вышецкого. И, конечно же, работал в лаборатории, экспериментировал и экспериментирую на себе. Сами понимаете, результата я надеюсь ждать долго, долго. После университета я основал пять стартапов, не имеющих никакого отношения к биологии. Некоторые из них превратились в довольно успешные компании. Но я всегда был уверен, что биология от меня далеко не уйдет.

– Да вы ее никогда и не отпускали. Вместе с отцом, еще более десяти лет назад, вы выдвинули теорию скачкообразного происхождения биологических видов и опубликовали об этом статью. В чем же суть этой теории?

– Мы предположили, что новые виды образуются в моменты, когда множество особей в популяции подвергаются однородным и почти одновременным мутациям, которые вызываются вирусами.

– Да?! Многие замечают, что нынешняя пандемия во многом изменила нашу психику, психологию, да и отношения между людьми. Означает ли это, что этот злосчастный вирус начал свою работу по формированию нового вида в нашей популяции?

– Должны пройти десятилетия, а может, и столетия, чтобы об этом можно было сказать вполне определенно. А вот в микромире эти процессы идут значительно быстрее и заметнее.

– И все же, когда и как биология стала, как я понимаю, страстью и главным делом вашей жизни?

– Пять лет назад я создал иммунологическую компанию под названием ImmuVia. Компания, в нашем случае, – это не только бизнес-термин, это и компания единомышленников, объединенных одной целью: разработкой новых методов лечения разных видов рака. В нее входят известные ученые иммунологи и физиологи, теоретики и экспериментаторы.

В другой компании – Ajax Biomedical – уже несколько научных публикаций, в том числе две моих, по взаимодействию диеты и аутоиммунных заболеваний. Да, вы правильно определили: биология, а точнее теперь сказать, иммунология – это действительно моя страсть и главное дело моей жизни. Во всяком случае, так я чувствую сейчас. Когда понимаешь, что занимаешься любимым делом ради того, чтобы помочь людям жить дольше и лучше, начинается магия, которая в большинстве своем сулит успех.

– Деятельность вашей компании финансируется за счет грантов?

– Нет, за счет частных инвестиций. Люди ждут радикальных продвижений в терапии этой злоеющей болезни. Они надеются на нас, и мы стараемся оправдать их надежды.

– А вы женаты, кстати спросить?

– Нет.

– Завидный жених!

– Спасибо.

У ДОЛГА ВЕК ДОЛОГ

Я переехал в США в первый послеельцинский год на фоне американской эйфории от победы над СССР, когда обе страны, избавившись от коммунизма, как казалось, готовы подружиться на века. Я тоже был в похожем настроении, мне представлялось, что мы настолько похожи, что только по недоразумению враждовали. В каждом пятом-шестом встреченном американце мне виделся облик кого-то из моих друзей или знакомых. Но с каждым годом своей американской жизни постепенно осознавал разницу в менталитете.

– Иосиф Михайлович, вы – американец по паспорту, но воспитывались в семье с глубокими и сильными русскими корнями. Если так можно выразиться, вы – носитель двух культур. Можете ли привести один-два примера, свидетельствующих о том, в чем мы разнимся?

– Я не социальный психолог и не могу оперировать в этой теме специальной статистикой, поэтому буду исходить из своего жизненного опыта. Возьмем, например, отношение к долгу. В американской культуре идея долга имеет скорее негативный оттенок. Если тебе кто-то сделал что-то хорошее, это будет тяготить тебя до тех пор, пока ты долг не вернешь. В контексте американских взаимоотношений я бы просто сделал все возможное, чтобы побыстрее отвязаться от этого долга.

Мне кажется, что эта особенность американского менталитета сказывается и во взаимоотношениях поколений. Я знаю молодых людей, которые считают, что своим бабушкам и дедушкам они ничего не должны. А некоторые в пылу разногласий могут и матери заявить: на каком, мол, основании, ты чего-то от меня хочешь? Я не просил, чтобы ты меня рожала!

Не оттого ли повзрослевшие дети американцев побыстрее стараются выпорхнуть из семейного гнезда и редко навещают родителей? Многие – лишь на День благодарения и Рождество. Между прочим, культ предков до сих пор свято почитается в традиции итальянских и китайских американцев и в некоторых других американских семьях. Для людей, воспитанных в русской советской культуре, такое звучит дико. Мы будто бы на генетическом уровне уверены в обратном: если тебе помогли, ты благодарен этому человеку, тепло о нем вспоминаешь. Тебя этот долг не только обязывает, но и греет, возвышает, а не давит. Именно в этом смысле я понимаю русскую поговорку «у долга век долог». Ты просто просишь Бога или случая, чтобы он предоставил тебе возможность сделать ему что-то приятное. Я, например, просто с большой теплотой и благодарностью вспоминаю своих наставников по университету и стараюсь действовать так, чтобы им не было стыдно за меня. Уже не говорю о том, что мои бабушки, а они у меня, слава Богу, обе здравствуют, и дедушка мною любимы и почитаемы. Мне очень хочется, чтобы мои предки мною гордились, они всегда могут рассчитывать на мою заботу и внимание.

Еще мне кажется, что американцы более подвержены идее потребления. Люди другой культуры более скромны. Выходцы из России и других постсоветских стран не гонятся за шикарной жизнью, а тратят заработанные деньги на образование детей или на путешествия. Хотя, если честно, вирус потребительства, к сожалению, уже распространяется и на иммигрантов, да, похоже, и жителей России, как мне показалось во время пребывания в Москве этим летом.

Конечно, я не хочу сказать, что в американской культуре человеческих отношений все плохо, а в русской – наоборот, но это уже другая тема.

ВОЙНА МЕЖДУ США И РОССИЕЙ – ВРЯД ЛИ

Подавляющее число детей моих знакомых иммигрантов из России и постсоветских стран, привезенных сюда уже сложившимися людьми, очень скептически, если не сказать критиче-

ски, относятся к своей родине. В нынешней России никаких достижений они не видят и охотнее готовы перечислить недостатки. В Америке же им видятся в большинстве своем лишь достоинства.

– Что для вас Россия? Как вы себя чувствуете в условиях нынешней конфронтации двух стран? За кого болеете? Или вас эта тема вообще не волнует?

– Конечно же, волнует. Россия – родина моих родителей. Родители выросли и получили образование в России, воспитывались в русской культуре. В России же отец сложился как ученый и поэт, мама с юных лет поклонница русских писателей и поэтов. Было бы странно, если бы их отношение к России и русской культуре не передалось бы мне по наследству, к тому же я ведь тоже родился в Нижнем Новгороде.

За кого болею? За добрые и партнерские отношения между двумя странами. Более того, мне представляется, что каких-то действительно серьезных причин для столкновения не существует, нам нечего делить, оба государства самодостаточны во всех отношениях. Конфликт существует лишь на словах, как пережиток холодной войны. Выгоден он лишь нашим недалеким деятелям, чтобы удержаться на политической арене. Надеюсь, это агрессия для сотрясения воздуха, без риска войны. Чтобы подзадорить электорат, ничем не рискуя. Но, к сожалению, она вредит добрым отношениям между народами, настраивая их друг против друга. Это не умно, и я надеюсь, что скоро все изменится к лучшему. Так что война – это вряд ли.

– Не кажется ли вам, что российские политики здесь более осторожны и предусмотрительны?

– За всех не скажу, не в курсе. Но высказывания по этой теме президента Владимира Путина на Валдае спокойны и взвешенны.

– Благодарю за интервью. И до встречи в сауне.

Когда книга готовилась к печати, Иосиф сообщил автору что компанией Immu Via против одного из видов рака, разработан новый препарат который уже успешно прошел первую стадию испытаний.

С Катей по Черногории

Ей двадцать восемь. Ему ровно наоборот – 82 года. Она во внучки ему годится. До этого дня они никогда не встречались и никогда не слышали друг о друге. Но уже к полудню у него возникло какое-то благостное ощущение родства душ с ней. Конечно, не факт, что оно взаимно, но проверять глупо. Потому как большинство окружающих, похоже, прониклись к этой девушке таким же чувством.

Заинтриговал? Это я, как говорится, для заправки: никаких романтических приключений не будет. Он – это я, ваш покорный слуга, она – Катя, гид. Окружавшие нас – свыше, чем три десятка туристов, отправившихся на автобусную экскурсию по Черногории. Выехали из Будвы на комфортабельном автобусе. Двигались практически вдоль границ этой мини-страны, по ее живописнейшим долинам и по взгорьям, горам и каньонам, к прозрачному морю и таинственным островам.

Поначалу никто не мог и предположить, что эта молодая девушка способна не только на весь день завладеть вниманием каждого из нас, таких разных и по возрасту, и по миропониманию, и по мировосприятию. Но Катя, как на ладони, показала нам свою родину со всей ее сложной историей; нелегкой долей, характером и обычаями своего народа. Таким образом как бы одушевила чарующую красоту ее природы.

Причем расположила к себе буквально с первых же слов:

– Здравствуйте, дорогие мои. Хочу сразу же извиниться перед двумя гостями: земляком черногорцем и англичанином. Экскурсия будет на русском языке, так как в нашем автобусе все остальные русскоговорящие. И не только в автобусе: большинство туристов, посетивших Черногорию этим летом, – из бывших республик Советского Союза. Можно сказать, что именно они спасли этим летом задыхающуюся из-за коронавируса туристическую отрасль Черногории, а значит, и всю экономику страны.

Потом Катя повторила это вступление на английском и черногорском, добавив, что найдет возможность самое важное донести и на этих языках. Забегая вперед, скажу, что не обманула иноязычное меньшинство в нашем автобусе. Профессионал, он везде профессионал.

Никаких записей в автобусе, естественно, не вел. Хотя теперь жалею. Можно было бы использовать безразмерный диктофон в айфоне. Поделюсь лишь некоторыми впечатлившими меня сведениями от Кати.

В крохотной Черногории, оказывается, около 2-х тысяч больших и маленьких православных церквей и монастырей, иногда в труднодоступных гористых местах! При этом почти тысяча из них – действующие! Именно православие сплотило черногорцев и помогло сохраниться народу в тяжелейшие времена, в частности, при османской оккупации.

В каждой семье – свой святой, и в честь его есть праздник – день Славы. Приглашение постороннего на этот праздник не только большая честь, но и ответственность: по обычаю в такой день вы обязаны приезжать в гости ежегодно.

Были, оказывается, у черногорцев и плохие обычаи, от которых им лишь относительно недавно удалось избавиться. Например, кровная месть и вирджин. О первом мы давно осведомлены, а второй, довольно нелепый, связан, полагаю, с желанием народа в древние времена защититься от врагов. Оберегать страну с оружием в руках должен был каждый сын в семье, но коли в ней рождались только дочери, роль защитника должна была взять на себя одна из них. Ее воспитывали, как мальчика, парня и мужчину, она носила мужскую одежду, выполняла всю мужскую работу, училась и умела владеть оружием. В многочисленных стычках с врагом вирджин участвовала наравне с мужчинами и немногие догадывались, с кем имеют дело. Последняя вирджин скончалась несколько лет назад, пережив столетний возраст.

А теперь о родстве душ. Кажется мне, что у многих из нас имеется своя фантомная боль. И не обязательно физическая. Моя, которой я не стыдился и не стыжусь, связана с потерей своей большой Родины – Советского Союза. Эта боль может быть затаенной, неощущаемой, но довольно часто вырывающейся наружу. Как правило, в тех случаях, когда встречаюсь с манкуртами. Теми, кто родился и жил в СССР. Кто сейчас, пускаясь во все тяжкие, из политических или конъюнктурных соображений хают эту страну за минусы. При этом сознательно «забывается» о том, что плюсы ее для большинства населения были куда весомее. Особенно по сравнению с нынешней жизнью в постсоветских банановых республиках, да и в иных западных, либеральных псевдодемократиях. Таким «забывчивым» уже ничего не докажешь. Обидно, когда подобным образом рассуждают люди молодые, ни дня в Советском Союзе не прожившие или жившие там лишь в ясельном возрасте.

Катя растрогала меня, разбудив мою фантомную боль, рассказав о своей. Полученной, очевидно, по наследству от родителей, потому что в бывшей Югославии она прожила лишь годы своего детства.

Не сомневаюсь, в разные времена по-разному жили разные люди в Югославии, стране, которой тоже уже нет на карте, были в их жизни и минусы, последних, может, даже больше, чем в СССР. Катя, однако, рассказывает о ее распаде с горечью и сожалением.

Особенно досталось от нее США и странам НАТО за преступные и безответственные бомбардировки Союзной республики Югославия в 1999 году. Я вспомнил, как с первого дня почти трехмесячных безжалостных бомбардировок реагировали на них граждане США, потомки белогвардейских иммигрантов первой волны. Они «бомбардировали» канцелярию американского президента и госдепартамент потоками писем с требованием прекратить... Упавали не только на гуманизм и здравый смысл. Писали и о том, что бывшее Королевство сербов, хорватов и словенцев приютило тысячи белоэмигрантов из России и тем самым спасло их жизни.

Все напрасно. Бомбардировки прекратили лишь тогда, когда волна возмущения поднялась по всему миру. Катя рассказала, что к этому времени погибли 1700 безвинных людей, среди них почти 400 детей. Тяжело ранены порядка десяти тысяч, до сих пор числятся пропавшими без вести свыше восьмисот человек.

– Как, по вашему мнению, могут относиться теперь к НАТО люди, пережившие эти преступные бомбежки? – последовал ее риторический вопрос. – Тем не менее, представьте, есть политики, которые пытаются затащить нас в этот блок.

Все, кто побывал на экскурсии с Катей по Черногории, прощались с ней с сожалением, провожая аплодисментами.

Я, признаюсь, позавидовал родителям Кати. Хотя в оценке основных жизненных ценностей мы с дочерью и внуками полностью сходимся, в отношении к бывшему СССР взаимопонимание отсутствует. Для дочери, как мне представляется, это просто прожитый этап в стране, в которой процветал авторитаризм, душились свобода и инициатива. Внук же, собирающийся стать специалистом в области международных отношений, уверен, что для простых людей жизнь в Советском Союзе была чуть ли не адом. Доверия же к моим воспоминаниям у него нет и, думаю, не будет. Внучку, правда, политика мало интересуют, у нее полно личных забот, вполне мною уважаемых.

Что ж, мы довольно быстро привыкаем к тому, что есть, забывая о том, что было. С одной стороны, может, это и хорошо. Но ведь, «если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки». Не думаю, что мудрейший Расул Гамзатов преувеличивал.

Уже вернувшись из Черногории, нашел в интернете топ-10 гидов из Будвы. К моему удивлению, фамилии Кати я среди них не нашел. И, представьте, проникся большим пиететом не только к этой десятке, но и к специалистам, составившим рейтинг. В самом деле, какой

высокой квалификацией должны обладать коллеги Кати, если такой гид, как она, не попал в этот почетный список?

А потом насторожился, а вдруг начальству не нравится ее манера выносить личное мнение на публику? Следуя правилу «не навреди», я на всякий случай назвал нашу замечательную путеводительницу только по имени. Из этих же соображений с трудом преодолел желание опубликовать ее фотографию в окружении поклонников из нашего автобуса.

Жалко, что вы Катю не увидите, – она к тому же очень обаятельна и красива.

Счастливчик Джордж

- ◇ Русский язык помог югославскому пловцу выплыть в Америке;
- ◇ в пятнадцать лет он сделал предложение своей будущей жене;
- ◇ в шестнадцать стал чемпионом Югославии по плаванию;
- ◇ в тридцать сбежал с женой в Соединенные Штаты, где поступил в Гарвард;
- ◇ в тридцать пять стал доктором наук;
- ◇ в сорок создал кафедру русистики в американском колледже и свыше 25 лет был ее бессменным руководителем.

Для нашей первой беседы он пригласил меня в свой дом в престижном городке Бельмонт близ Бостона. Приехав, я увидел накрытый стол на патио в уютном саду вокруг стандартного американского дома. Брокеры, рекламируя такие дома, рекомендуют потенциальным покупателям-иммигрантам «осуществить свою американскую мечту». Усадив за стол, хозяин с гордостью произнес:

– У меня – 15 настоек на русской водке: огуречная, смородиновая, хреново-медовая... сотворенных моими руками по собственным рецептам. Какую предпочитаете?

Увидев мое замешательство, Георгий принес 15 бутылок, на каждой была этикетка с его собственным шутивным портретом:

– Устраиваем дегустацию: каждой по чуть-чуть. Основа одна, так что похмелье вам не грозит...

Начали с отменной хреново-медовой. После чего хозяин стал хлопотать над грилем, и наша неторопливая беседа скоро приобрела вкус и запах хорошего шашлыка по-карски. Хозяин явно знал толк в славянском гостеприимстве.

Американцы называют его Джордж, хотя сам всегда представляется Георгием. И сейчас, в свои почти семьдесят, он обаятелен, красив, строен и артистичен, подвижен умом и телом. Представляю, как этот молодой профессор входил в аудиторию и с первого взгляда и первой доброжелательной улыбки покорял ее. На его лекциях аудитория была заполнена по максимуму. Одна из его бывших студенток рассказала, что многие девушки были тайно влюблены в профессора. Потому что он, несмотря на английский с акцентом, покорял своей русскостью, влюбленностью в Чехова и Достоевского. Ой ли, только ли потому, мисс Резерфорд?

«Чтобы заинтересовать студентов своим предметом, я в течение первых 20–30 минут знакомлю их со всем тем, что меня связывает с русской культурой, рассказываю о своих поездках в Россию, о Невском проспекте, на котором можно встретить либо свой Нос (Гоголь), либо себя самого (Достоевский), о гостеприимстве русских, о московских куполах... Проходит полчаса, и, если никто из студентов не посмотрел на часы или в окно – знаю, что моя приманка показалась им съедобной, что я овладеваю их любопытством и могу начать работать. Моя первая задача – заинтересовать их русской культурой, чтобы они вернулись в аудиторию и с интересом стали заниматься русским языком, – выполнена».

(Из доклада профессора Г. Костица на Международной научной конференции русистов в Москве)

А профессор – однолюб. В свое время мечтал жениться на самой красивой девочке в Белграде и вполне серьезно сделал предложение Мирьяне в 15 лет. Ей было тринадцать. Оба были подающими надежды пловцами, особенно Георгий. Правда, жених на длительное время забыл о своем предложении – жизнь закрутила. Став чемпионом Югославии, членом олимпийской сборной, приобрел известность и популярность, а с ними – десятки поклонников и поклонниц. Поездки на международные соревнования в Вену, Рим; Париж, вечера отдыха; рестораны... Очень даже удивился, когда вдруг к нему, уже студенту-слависту Белградского уни-

верситета, подошла сероглазая красавица и спросила: «Так будем жениться или что?.. Может, я свободна?»

«Только со мной, – ответил он. – Но есть одна очень серьезная проблема: ты готова бежать со мной в Соединенные Штаты?»

«Обучить американского студента правилам грамматики и снабдить запасом слов, чтобы он мог справиться с сюжетами произведений русской литературы, можно, но как ему воспринять страноведчески насыщенные тексты и их идейно-эмоциональное содержание, если у него нет основных понятий о русской культуре? Как справиться ему с разницей между «ты» и «вы», между Павлом Павловичем и Пал Палычем, как ему почувствовать трагедию поэмы Requiem Анны Ахматовой или понять юмор пьесы «Клоп» Маяковского, если у него нет лингвистической концепции? Ни их самих, ни их родителей, ни их бабушек или дедушек никогда никакие клопы не кусали...»

(Из доклада профессора Г. Костица на Международной научной конференции русистов в Москве)

Сам Георгий уже без малого десять лет знал, что в Югославии ему жизни не будет. Еще в 1951 году после международных соревнований по плаванию восемь его товарищей не вернулись в страну. И за ним югославская охранка установила слежку, делая попытки склонить молодого человека к сотрудничеству, так как он пользовался авторитетом у перебежчиков, оказавшихся потом в США и Канаде. Кроме того, старший его брат был четником (четники боролись против коммунистов Тито) и тоже жил в США, убежав из страны. Поразмышляв над тем, чем будет заниматься за океаном, он перевелся с юрфака и к этому времени уже заканчивал отделение славистики Белградского университета. Специализировался на русском языке. На то были причины. Он знал еще от деда, что у их семьи были давние связи с Россией и что его рано умершая бабушка была русской. Его прадед Йован Сундечич, выдающийся черногорский поэт, был в свое время главой православной церкви Черногории и кем-то вроде министра иностранных дел (такой должности тогда не было) в правительстве страны, близким знакомым семьи Романовых. И может, потому своего сына послал в Россию. Тот служил российскому императору в Саратове крупным железнодорожным чиновником и женился там на русской девушке Елизавете...

«...сейчас я намереваюсь поговорить о своих усилиях преодолеть социально-культурный разлом, существующий между американской и русской культурой, и обучить американских студентов средствам коммуникации с носителями языка, навести мост через социально-культурный разлом, отделяющий мою аудиторию от цели моих усилий. Я преподаю русский язык и литературу в американских вузах свыше тридцати лет... Со временем, чтобы заинтересовать старшекурсников, которым остается один год в колледже, я выработал учебно-методическую систему, при помощи которой они могут, в зависимости от своей мотивации, после двух семестров общаться с русскоговорящими. Мой курс называется Speak Russian in Year, или «Порусски за один год»...»

(Из доклада профессора Г. Костица на Международной научной конференции по русистике в Москве)

Отец представлял Сербскую военную миссию при правительстве императора Николая II. После Октябрьской революции он выпросил у Ленина специальный поезд и через Шанхай и Стамбул вывез на родину всех сербов и черногорцев, так или иначе оказавшихся в России. В свое время он учился в МГУ имени Ломоносова и там же, кстати, в двадцатых годах познакомился с его матерью, студенткой медицинского факультета... Так что любовь к русскому языку и культуре у Георгия Костица, американца сербского происхождения, как бы заложена в генах. Совершенствовал свои знания в гимназии – при маршале Тито основным иностранным языком в югославских школах был, естественно, русский. А потом и на кафедре славистики в Белградском университете.

«Чтобы заинтересовать нашего студента, обучение должно идти не от языка к культуре, а наоборот, от культуры к языку... Обучая русскому языку студентов, их обязательно нужно знакомить с русским этикетом, с историей, музыкой, юмором, обычаями, кухней и другими социокультурными аспектами жизни русского народа. На своих занятиях я широко использую так называемые перебивы с информацией из области русской культуры. Обычно ими пользуюсь, когда замечаю, что студенты устают и их внимание нужно освежить...»

(Из доклада профессора Г. Костича на Международной научной конференции русистов в Москве)

Побег в Америку супругов Костичей успешно состоялся в 1965 году. О том, как известный пловец его организовал, воспользовавшись легкомыслием и человеческими слабостями влиятельных людей в спортивном мире Югославии, можно написать отдельный рассказ. Но двое молодых людей уже в Нью-Йоркском аэропорту Кеннеди, оторвавшись от группы туристов, с 20-ю долларами в кармане (больше вывозить из страны не разрешали) сели в автобус и поехали куда глаза глядят – в Манхеттен, на конечную остановку. Что будут делать дальше – не знали: то ли искать Костича – старшего по имевшемуся адресу (телефона не было, так как братья не общались чуть ли два десятка лет), то ли одного из друзей-перебежчиков, ни телефона, ни адреса которого не было. И вот тут-то и начинается американское счастье Георгия Костича, которое, как он признается, сопровождает практически всю его иммигрантскую жизнь. Из этого он заключает, что Америка послана ему судьбой.

«...если студента не познакомить с основными правилами поведения в русской среде, то может случиться, что даже чистота русской речи не сможет преодолеть негативного впечатления у носителей языка, а напротив, «коммуникация» получит отрицательную окраску и станет пугающей пропастью...»

Очень часто что русским смешно, у американцев неприлично, что американцам смешно, русским скучно, а об этом в наших учебниках ничего не пишут... У нас, например, нельзя рассказывать этнические анекдоты, анекдоты о пьяных, заикающихся, блондинках, тещах, пенсионерках, делать комплименты женщинам не рекомендуется, о расовых различиях лучше не говорить. Я однажды сказал, что черные баскетболисты лучше белых, и меня обозвали чуть ли не расистом! Или, например, если американец встречает двух русских девушек, идущих под руку, то для него, хотя и хорошо знающего язык, они могут показаться лесбиянками... Когда я, радуясь встрече, обнимаю и хочу поцеловать знакомого американца, то он либо остолбенеет, либо посмотрит на меня с недоумением...»

(Из доклада профессора Г. Костича на Международной научной конференции русистов в Санкт-Петербурге)

Разве не счастливая случайность, что, сойдя с автобуса, он лицом к носу столкнулся с собакой, «а она вела на поводке моего друга, того самого перебежчика из 50-х, ни адреса, ни телефона которого у меня не было»? Оказалось, студент выводил собаку русской женщины-врача, которая на время отъезда поручила ему и свою квартиру, и питомца. На десять дней супругам был обеспечен и стол, и дом. Возвратившись, дама предложила Костичу... познакомить его с Александром Керенским. Он отказался, не до того было, за что себя клянет на чем свет стоит.

Дальше – больше. Другой перебежчик работал секретарем у министра иностранных дел Канады Пола Мартина. Он пригласил новоявленных невозвращенцев приехать в Монреаль. Когда они сошли с поезда, кого-то встречала правительственная делегация с цветами и чуть ли не с оркестром. Когда Костич сошел на перрон в костюме и при галстукке, с которыми этот фронт никогда не расставался, именно к нему обратились с торжественной речью, а Мирьяне вручили охапку цветов. Оказалось, друг подал его своему шефу как известного диссидента, чуть ли не Михайло Михайлова, имя которого тогда гремело по всем западным «голосам». А сам «диссидент» и слова-то такого в то время не знал. Потом был устроен официальный

прием в честь известного диссидента. Подлог, конечно, и не совсем невинный, но он облегчил Костичу с женой получение вида на жительство в Канаде, а затем и визы в Америку. А дальше и вовсе сказка – его, знавшего на английском лишь «How do you do?», приняли в Гарвард на отделение славистики (в американских университетах ценят выдающихся спортсменов, даже бывших, за их целеустремленность). А там Георгий стал одним из любимых учеников легенды русской лингвистики Романа Осиповича Якобсона, профессора из первой белой волны эмиграции, друга Маяковского, Лили и Осипа Бриков.

«Однажды в квартире Бриков, где в одной из комнат жил и Маяковский, была дружеская вечеринка. Затянулась допоздна, и Роман Осипович ночью лег на кушетку возле комнаты Бриков. Проснулся он под утро, услышав скрип двери, и увидел выходящего из комнаты Бриков Владимира Владимировича. Тот, увидев Якобсона, погрозил ему пальцем и произнес:

– А ты никому ни шу-шу!»

(Анекдот, рассказанный Р. Якобсоном Георгию Костичу)

Кстати сказать, Роман Якобсон сыграл большую роль в жизни Георгия – по его рекомендации его приняли на временную, а потом и постоянную работу в иезуитский Колледж Священного Креста в Вустере, неподалеку от Бостона. До этого он уже преподавал русский в ряде университетов, но оказался без работы, как это всегда бывает, в самый неподходящий момент. Все наличные потрачены на первый взнос при покупке дома, родилась дочь Наталья, он только что приобрел собаку, а на постоянное местожительство приехала теща, собак не любившая. Георгий признается, что в этот момент спасти его от самоубийства могло только чудо. И оно, как всегда, когда ему было очень надо, свершилось. Колледж Священного Креста, откуда только что ушел после истечения годичного контракта, пригласил в Америку советского диссидента Александра Гинзбурга, неделю назад вышедшего из тюрьмы в СССР. На стадионе в Вустере при стечении десятков тысяч людей, а также представителей около тридцати телекомпаний и газет должно было состояться торжество по поводу вручения Гинзбургу степени Почетного доктора наук. А переводчика не могли найти. И тут президент колледжа вспомнил о Костице, как раз в этот момент нянчившем свою дочь. Георгий долго отнекивался – дочь не с кем было оставить. В конце концов колледж оплатил беби-ситтера, только бы заполучить переводчика. Торжество удалось на славу, при этом переводчик был на телеэкранах всего мира чаще и дольше самого виновника торжества, очаровав и зрителей, и телезрителей. И администрация колледжа предложила ему постоянный контракт. «Вот уж действительно права поговорка: не знаешь, где найдешь, а где потеряешь», – комментирует сейчас Георгий. В этом колледже он проработал свыше 25 лет, создав кафедру русистики. Именно у Георгия Костица впервые появилась простая на первый взгляд идея: приглашать на семестр или на год преподавателей из России. Вот уже на протяжении 20 лет в Вустере работают специалисты из Российского государственного педагогического института им. А.М. Герцена в Санкт-Петербурге. Позже эту идею подхватят другие высшие заведения США, но Костич уверен, что благодаря двадцатилетнему сотрудничеству с российскими педагогами кафедра русистики в Колледже Священного Креста приобрела добрую славу как в США, так и в России. Не случайно Георгий Костица часто приглашают в российские вузы поделиться опытом преподавания русского языка как иностранного. В колледже Костичу присвоили так называемый *tenur* – статус пожизненного преподавателя, которого можно лишиться лишь по собственной инициативе, например, при уходе в добровольную отставку.

«...То, что я увидела в маленьком кабинете при кафедре русистики небольшого американского колледжа, потрясло меня. Настоящий музей России в США! Поразило и богатство коллекции, и дизайн, и продуманный отбор представленных экспонатов. Со стен на вас смотрят Гоголь и Достоевский, Тургенев и Толстой, Чехов, Пушкин, Блок, Маяковский, Ахматова... Панно с русскими иконами и фотографиями храмов, картины известных русских художников

и цветные снимки русских пейзажей. Стеллажи с русской литературой и сувениры-символы русского быта: самовар с полотняной тарелкой, пасхальное яйцо мастера школы Фаберже, шка-тулки палехских мастеров и деревянные ложки хохломской росписи. В разных вариантах и в разных местах повторяется изображение святого Георгия на белом коне, разящего копьём вражеского змея...

Статуэтки и чашки, замысловатые ручки и пепельницы, российские салфетки и куклы... Как много здесь русского духа, здесь действительно Русью пахнет! И если я, ненадолго приехав из России, войдя сюда, сразу прониклась родными флюидами, то как же должен поразить этот интерьер американского студента, никогда не видевшего ни России, ни этих предметов, ничего не знающего о символах русской культуры!»

(И.П. Лысакова, зав. кафедрой преподавания русского языка как иностранного Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена)

Он ушел в отставку полтора года назад. «"Хороший дом, хорошая жена, взрослые, нашедшие свою дорогу в жизни дети, – что еще нужно человеку, чтобы спокойно встретить старость?" – так я размышлял перед выходом в отставку, подобно герою культового советского фильма "Белое солнце пустыни"», – завершает рассказ о своей счастливой жизни в Америке Георгий Костиц.

Как с ним не согласиться? Жена – известный в Бостоне детский врач, дочь Наталья живет и работает в Швейцарии, сын Александр – чемпион Америки по марафонскому плаванию в открытом море, один из директоров компании Sony в Лос-Анджелесе.

И все же затаенная грусть в его глазах мешает мне это сделать. Большинство экспонатов музея, собранных им во время командировок в Россию и в антикварных магазинах США, подарены родному колледжу. Там же по решению администрации выставлен большой портрет профессора Костица, как признание заслуг в преподавательской деятельности. Сотни учеников, которым он сумел передать свою любовь к России и русской культуре. Приличная пенсия. Действительно, что еще нужно человеку, чтобы спокойно встретить старость?

Стареть он не хочет, вот в чем штука. Несмотря на инфаркт, случившийся полтора месяца спустя после ухода в отставку и, несомненно, являющийся следствием этого самого ухода, отрыва от студентов, любимой работы. А обратной дороги в родной колледж нет. Воспитанница и преемница, благодаря наставнику получившая тот же статус пожизненного преподавателя, ревниво оберегает доставшееся ей наследство, в том числе и от авторитета бывшего патрона. Остается научная работа в тиши обширно домашней русской библиотеки. Сейчас Георгий Костиц готовится к очередному докладу на научной конференции в МГУ.

А еще грустит он от того, что детей, стопроцентных американцев, не интересует ни сербский язык, ни богатая родословная потомственного сербского интеллигента, ни рукописи его знаменитого когда-то прадеда-поэта...

«...Психологи и физиологи, исследуя речевые процессы, давно обнаружили эмоциональную основу зарождения речи. К сожалению, далеко не все преподаватели русского, как иностранного языка, опираются на чувственные заряды, которыми пронизаны произведения духовной культуры страны и народа, носителя языка. Интуиция и обширные познания в области русской литературы, музыки и живописи помогают профессору Георгию Костицу преодолевать культурные барьеры в душах своих учеников. Создавая волну интереса и занимательности, он вовлекает американских студентов в «армию друзей России», говорящих и читающих по-русски.

Низкий поклон вам, дорогие наши зарубежные коллеги, за ваш подвижнический труд по приобщению молодежи к родникам русской культуры, за безграничную любовь к русскому языку и нашей профессии!»

(Из доклада И.П. Лысаковой на научной конференции по русистике в Санкт-Петербурге)

P.S. Признаюсь, эта беседа с профессором Г. Костичем состоялась свыше двадцати лет назад. «Счастливчик Джордж» уже отпраздновал 90-летний юбилей. Теперь он молодой... дедушка: непоседе внуку четыре года. Дочь Наташа живет вместе с родителями, помогая им справиться с возрастными недомоганиями.

Годы берут свое. Из-за болей в спине Георгий меньше стал двигаться, меньше общаться с друзьями, в том числе из России. Но сохранил ясный ум и хорошую память, следит за происходящим в мире. И по-прежнему с пиететом относится к русскому языку и культуре.

– Практически вся моя жизнь была связана с популяризацией русского языка и культуры в США. Естественно, мне просто невозможно понять мотивы и действия властей Украины и стран Балтии, дискриминирующих своих граждан и жителей по языку. Язык, русский ли, немецкий, французский или любой другой, никогда и ни в чем не повинен.

Конечно же, тут с ним невозможно не согласиться.

Почему не подстраховаться

В понедельник вечером сделал третью прививку, так называемую бустерную, той же вакциной, что и первые две, – Moderna. Почему? Да, слушал и читал мнения специалистов-эпидемиологов и медстатистиков. Узнавал про опыт других стран, Израиля, например. Информацию получаю не только из интернета, но и от моих давних друзей.

Конечно же, важным для меня было и мнение дочери: случись беда со мной, именно она окажется наиболее пострадавшей, со всеми последующими хлопотами.

Интересовался и логикой антипрививочников, медиков и дилетантов, очень активно, если не агрессивно, отстаивающих свою правоту в соцсетях, на митингах и даже в судах. Поражаюсь их смелости: с легкостью необыкновенной берут на себя ответственность – ладно, за свои жизни, так еще за здоровье и благополучие других. Среди ковид-диссидентов есть мои коллеги и друзья, достаточно авторитетные в сообществе люди. К сожалению, многие больше доверяют им, нежели правительству и официальной науке: последняя, дескать, находится на службе у государства.

А вдруг через какой-то промежуток времени вам, ребята, придется убедиться в своем трагическом заблуждении? Но за этот промежуток коронавирус уже соберет свою скорбную жатву. Вас это несколько не напрягает? Оправдаетесь перед собой, сославшись на пресловутый человеческий фактор? Да, от ошибок, конечно, никто не застрахован. Не кажется ли вам, что в данном случае цена ошибки несоразмерно высока? А может, вы точно знаете то, чего никто-никто не знает?

Моя бывшая коллега Кристина Худенко недавно опубликовала в DELFI душераздирающую историю об Артуре и Юлии, проживших в счастливом браке... менее года. Муж недавно скончался от тяжелой формы ковида, оставив не только безутешную молодую вдову, но и новорожденного сына. Юлия признается, что они оба недооценили важность прививки. Не от того ли, что из-за активности антипрививочников в обществе создалось легкомысленное восприятие опасности, которую представляет этот злополучный вирус?

Добрая знакомая из Белоруссии убеждена: стоит кому-то из принципиальных противников прививок потерять близкого человека, как принципиальность тут же словно ветром сдует. Она знает, о чем говорит: недавно из-за ковида тоже потеряла мужа. Конечно, не дай, как говорится, Бог, чтобы именно таким образом мои оппоненты расставались со своими принципами...

Давайте смотреть жуткой правде в глаза: мир переживает настоящий коронавирусный мор, сравнимый разве что с чумным – в Средневековье. Нельзя сказать, что наша цивилизация, несмотря на все достижения в медицине и эпидемиологии, встретила эту нежданную беду во всеоружии. Борьба с ней вынуждены наощупь, методом тыка, хотя и – научного.

Да, вакцины по понятным причинам не достаточно испытаны, да, к сожалению, нет ни одной, настолько эффективной, как бы хотелось. Тем не менее вакцины уже не только спасли тысячи жизней, но и позволили нам работать и путешествовать, удерживать экономику на плаву, не допустить тотального голода.

Любое государство, опираясь на выводы ученых, в этой ко-видной неопределенности выбирает свою стратегию и тактику, в которой прививкам отводится решающая роль. Ученые пришли к выводу: после достижения коллективного иммунитета – определенной пропорции между привитыми-переболевшими и не привитыми – мы сможем достаточно мирно сосуществовать с ковидом, как сейчас – с гриппом. На этой надежде, как я понимаю, основана сейчас стратегия и тактика практически всех стран и правительств. Другого пути пока нет. К тому же опыт Дании и ряда других скандинавских стран, где все ограничения постепенно отменяются, свидетельствует о том, что путь избран правильный.

Ковид-диссиденты, однако, не согласны. Ладно, не прививайтесь сами, распоряжайтесь собственной жизнью, но не митингуйте, не убеждайте других следовать за вами.

Кстати сказать, взаимоотношения с гриппом тоже повлияли на мое решение о необходимости бустерной прививки. Вот уже около десяти лет прививаюсь от этой напасти ежегодно. И за это время не грипповал ни разу. Выходит, срок действия противогриппозной вакцины – год. Срок со времени моей второй прививки от ковида – восемь с половиной месяцев. Почему не подстраховаться?

Прошло уже три дня, никаких побочных эффектов не заметил, на второй день вполне успешно откатал тележки в супермаркете. Тем не менее призывать всех и каждого начать прививки не стану. Спросите почему? Отвечу: мое решение основано на личном опыте, личном анализе информации, на моем инстинкте самосохранения, моем понимании риска, в конце концов.

Словом, каждый должен решить сам, какому из рисков подвергнуть свою жизнь. Тем более что есть люди, которым вакцинация от ковида противопоказана, аллергики, например. Есть и уверенные в своем иммунитете настолько, что считают лишние уколы пагубными для своего организма. Подозреваю, что к ним относятся и ковид-диссиденты. Дай Бог им здоровья и активной жизни! Несмотря на совершенно справедливые, на мой взгляд, ограничения, которым они подвергаются на пути к достижению обществом коллективного иммунитета.

Жаль мне лишь тех, кому прививки противопоказаны. Лишать таких людей права на активную жизнь – несправедливо. Может быть, следует приравнять соответствующую справку от врача к зеленому сертификату? А они с помощью врачей решат, когда и как обезопасить себя, чтобы воспользоваться такой возможностью.

И каждый раз навек прощайтесь, когда уходите на миг

Ставшее культовым стихотворение с этими грустными строчками было написано поэтом Александром Кочетковым в 1932 году под влиянием случайного, в общем-то, происшествия. Нынешние же коронавирусные времена, к несчастью, расширили круг людей, после расставания с которыми приходится пожалеть, что при уходе на миг не попрощался навсегда...

Мое третье антиковидное (ковиду назло) путешествие в Европу, а в него на этот раз я пустился вместе с женой, продлилось почти два месяца. Самолеты из Бостона до Франкфурта и оттуда в Ригу были заполнены до отказа, пассажиры дисциплинированно сидели в масках.

Из Риги мы отправились в Белоруссию. Я через Минск, по давней традиции в санаторий «Спутник» на озере Нарочь, Наташа же – в Юрмалу, в полюбившуюся ей, единственную сохранившуюся в Латвии с советских времен, лукашенковскую здравницу «Белоруссия». Потом у нее был греческий остров Корфу с группой паломников от туркомпании «Путник», а у меня – родные места. Далее опять Рига и встречи с друзьями, а затем мы вместе сбежали от первой осенней непогоды в соскучившуюся по туристам живописнейшую и солнечную Черногорию. Потом у меня были еще три прощальных дня на родине.

Несмотря на опасения, будто в Европе не принимают американских прививочных карточек, магическое слово Moderna нам везде открывало зеленый свет. Более того, PCR-тесты, на которые мы потратили кучу денег, интересовали далеко не на всех границах.

Словом, путешествие оказалось вполне благополучным, если бы коронавирус не унес жизнь очень дорогой для меня женщины.

О жертвах этой заразы из числа знаменитостей мы знаем и, конечно же, скорбим о каждой такой потере. Но сколько людей простых, дорогих своим родным и друзьям уходит без следа! Этот пробел никогда не заполнить, сколько бы ни было социальных сетей в интернете. И все же...

Мёд

– Ты вроде после санатория собираешься в Смолевичи. У Валентина там своя пасека, купи у него килограмм меда для меня, – попросила Зина, позвонив мне по телефону. А потом добавила: – Ковид у меня подтвердился, сейчас забирают в больницу. Вернусь, рассчитаюсь...

С Зиной мы расстались позапрошлым летом. Как всегда, она по-матерински соорудила мне «тормозок» на дороге. Перекусишь, дескать, в автобусе, а то и в Риге позавтракаешь, не нужно будет сразу бежать в магазин. Возражений, даже с железным аргументом, что в Евросоюз не пропустят колбаски из Белоруссии, не принимала. И, как ни странно, на ее «тормозок» на границе никогда не обращали внимания.

И подумать тогда не мог, что мы больше не увидимся...

С Зиной Шинкевич (в замужестве Збруевич) детством мы не совпали. Во-первых, по возрасту: ей было лишь около трех, я уже был студентом. Во-вторых, по месту проживания. Мой троюродный брат Николай, ее отец, уехал из родной деревни в Пуховичский район, где Зина и родилась.

Зато совпали в зрелости: лет десять назад нас познакомил ее двоюродный, а мой троюродный брат Юрий Шинкевич. К этому времени Зина уже похоронила отца, а пару лет спустя и мужа. Детей у них не было. Осталась одна в прекрасной двухкомнатной квартире, которую незадолго до смерти идеально, по европейским канонам, самолично отремонтировал муж.

Если честно, даже не знаю степени нашего родства: вроде бы она моя троюродная племянница по маме. Меня, да и ее, степень эта мало волновала. Знаете, бывают совсем чужие люди, а роднее некоторых родных. Такой родной была для меня Зина.

В семнадцать лет я уехал из белорусской деревни. В соответствии с пропиской – навсегда. Но не было с тех пор ни одного года, чтобы я не посетил родные места, где бы ни жил. Сразу приезжал к родителям, бывало, и по два раза в году. Но вот уже свыше тридцати лет – тоже первым делом к ним, на погост. А потом уже к родственникам и землякам. Последние десять лет – через Минск, с остановкой на три-четыре дня у Зины. А бывало, и на неделю, когда работал в архиве.

Зина – невероятно теплый человек. Жила не тужила на заработанную на фабрике, не ахти какую, пенсию. И гордилась тем, что ее хватало. Знала, где, что и у кого на местном рынке подешевле купить, умела засолить огурцы и помидоры, доставленные родственниками из деревни, сама делала «пальцем тыканые», необыкновенно аппетитные колбаски, квасила капусту. Словом, такой сноровистой и радушной хозяйки еще надо поискать.

Бывало, не видишь Зину полгода, войдешь, разденешься, сядешь с ней на кухоньке, отведаешь разваристой картошки с хрустящим соленым огурчиком, послушаешь о ее спокойном житье-бытье «в свое удовольствие» и покажется тебе, будто ты отсюда никуда не уезжал.

А еще Зина, как никто другой, знала родной город. Скажешь ей, куда хочешь отправиться, тут же, минуту подумав, сообщит, каким трамваем, троллейбусом или автобусом можно воспользоваться, где лучше пересесть. Метро не любила, под землей ей не дышалось...

Была она грузноватой, страдала одышкой и болями в отекавших ногах, из-за позвоночника. А три года назад у нее обнаружили рак по женской части, к счастью, в начальной стадии. Зина героически перенесла и печальный диагноз, и нелегкую операцию, и «химию». Могу только догадываться, что было у нее на душе, но мироощущение нисколько не изменилось, она по-прежнему собиралось жить долго и спокойно, в «свое удовольствие». Что не мешало ей помогать соседям, друзьям и племянницам. Словом и делом.

Прошлым летом мы не увиделись: у Зины поселились две студентки ее землячки, да и мне было удобнее добираться в аэропорт из санатория в Ждановичах. Этим же летом я из

аэропорта отправился напрямиком на Нарочь, рассчитывая приехать к Зине из санатория в ближайший выходной.

В июле в Москве вышла моя новая книга. Въезд в Россию мне был заказан из-за ковида, а потому, по договоренности с Зиной, предложил издательству выслать четыре экземпляра на ее минский адрес.

Посылка пришла своевременно, но Зина попросила заехать уже после санатория: собралась на выходные поехать на машине с родственниками в деревню, к родителям на кладбище. Порадовалась, что неделю назад сделала вторую прививку от коронавируса, а потому чувствует себя уверенно. Я не отговаривал от поездки, более того, порадовался вместе с ней подобной okazji. Дескать, когда еще она туда попадет?

Позвонив уже из больницы, сказала, что книги вынесла в тамбур, сосед тебя впустит. Там же попросила оставить и мед. Я так и сделал.

Это был наш последний разговор. Через два дня Зина скончалась. То ли злосчастный тромб оторвался, то ли легкие сожрал ненасытный ковид. Похоронили ее на том самом кладбище, где она побывала около десяти дней назад...

Лена, племянница Зины, унаследовавшая ее квартиру, предложила мне ключи, если потребуется остановиться в Минске. С благодарностью отказался: представить себя не могу в этой квартире без хозяйки.

А месяц спустя еще одна смерть потрясла меня. Скончался многолетний друг моей троюродной племянницы по отцу, одинокой, уже не молодой женщины. Вася, муж ее лучшей подруги, был примерным семьянином, за которым и моя осиротевшая без него родственница чувствовала себя, как за каменной стеной. Недавнего пенсионера, мастера на все руки, не отпускали с работы в колледже. Но, как и Зина, лег он в больницу с коронавирусом, там уже обнаружили и стали лечить рак. Но оторвался тромб...

Не знаю, в какую графу специалисты впишут причины этих смертей. Уверен, однако, без ковида и при соответствующем лечении Зина, с ее оптимизмом, съела бы еще множество банок меда. Вася же передал бы свой опыт и мастерство не одному десятку студентов. Ковид же, как сверхэффективный катализатор, ускорил роковые процессы в организме.

Нет-нет да и задумаешься невольно: а может, действительно так было и задумано создателями этого коварного вируса, от которых он ненароком, а может, и нарочно, сбежал? Чтобы отсеять стариков и больных, как отработанный материал? Смерти же молодых и здоровых – просто побочный эффект, лес, дескать, рубят, щепки летят?

...Из Латвии в Бостон, как оказалось, мы улетели более чем своевременно: сейчас там объявлена чрезвычайная ситуация из-за разгула коронавируса. Впрочем, вирус этот сейчас свирепствует не только в Латвии и других прибалтийских странах, но и в России, и родной мне Белоруссии. Забором из колючей проволоки, как от мигрантов, отгородиться от него невозможно.

На кейп-код! На грибалку!

Речь, понятное дело, пойдет о грибах, точнее, о подосиновиках. Которые мы всей семьей по давней традиции более двадцати лет подряд ездим собирать на Кейп-Код в начале октября, воспользовавшись третьим выходным в День Колумба.

На 4 ночи снимаем дом в этом приокеанском городке и ходим по дюнам, собираем подосиновики. Только их. С разным успехом. Но всегда, с первого удачного года, надеемся привезти не менее багажника. Лес, как всегда и везде, прекрасен и мудр, но на этот раз урожаем не порадовал.

Не то чтобы «косой коси», как сулили побывавшие здесь неделей раньше знакомые, а – ни одного! Ни у кого! Хотя бродили низинами и пригорками уже минут пятнадцать. И не вшестером, как обычно – Брюс пригласил на мастер-класс своих друзей, супружескую пару Айрис и Шермана. Они подосиновиков ни разу не видели, американцы в большинстве своем грибы собирают в магазинах, а не в лесах.

– Хоть бы парочку найти на показ, – посетовал внук Андрей. – А завтра приедут еще пятеро Аниных друзей-студентов, обидно будет и Ане, и им, если зря...

Андрей – грибник заядлый и удачливый с детства. Анечка же, его сестра, ходит по лесу без охотничьего куража, скорее, за компанию. Нарвется случайно на красную шапочку, гнушается даже срезать, зовет того, кто поближе. Мне даже странным показалось, что именно она друзей сюда зазвала.

Расстроенный, я бегал по лесу как лось, уже ни на что не надеясь, да и лес сухой, хотя вроде бы и дождей хватало. И вдруг метров с двадцати услышал победный клич внука:

– О-о! Вот это да! Дедушка, скорей сюда, посмотри, какой красавец! Король! О, да тут еще и принц!

Я же говорил, что он удачлив, в последние поездки первый подосиновик всегда его. В глубине души я даже гордился, что передал внуку свою удачливость, и, надеюсь, не только грибную.

Второй тоже его. Триумф Андрюши прибавил энтузиазма и мне. Я вспомнил слова моего друга Юры Захарова, с которым успел съездить по грибы в Риге: свои боровики мы всегда найдем, сколько бы народу здесь ни потопталось! Пристальнее огляделся по сторонам и... вдруг! Красавец, под стать Андрюшину принцу. А потом в моей корзинке оказались еще не один король и инфант, и принц, и даже, представьте, нищий, но вполне, съедобный.

В этот раз не брезговали даже хорошо пожившими, но еще «хоть куда», как и я сам. Не подумайте чего такого – на рыбалку, на грибалку, по ягоды, в Минск, в Ригу, в Афины... хоть куда. Правда, за каждым нужно было изрядно побродить, прежде чем вдруг красная шапочка выглянет из мха, из-под сучьев или из-под листьев. Не это ли «ВДРУГ» и тянет нас в лес с корзинкой, туеском или с ружьем, а на речку – с удочкой или спиннингом?

Азарт крепчал, победные клики моих грибников нет-нет да доносились со всех сторон. Через два часа, уже у машины, подытожили: собрали, похоже, ужинов на пять. На следующий день все повторилось в другой части леса, только победные восклицания слышались чаще. Пятеро Аниных друзей, американских американцев, получив короткий инструктаж от русских американцев, тоже увлеченно обшаривали поросшие редким сосняком дюны невдалеке от океана. То и дело ребята хвастались находками и поздравляли друг друга с успехом. За компанию вдруг загорелась грибалкой и внучка, ведь ей волей-неволей досталась миссия не только бывалого грибника, но и инструктора.

Теперь я знаю, почему одного с тянет в лес за грибами, а другой просто прогуливается по лесу. Пятилетнего внука нам посчастливилось привезти, когда подосиновиков было там хоть косяк. И восхищались, поздравляя его с каждой новой удачей. Ане, помнится, в ее первый поход по грибы не очень-то повезло.

Очень порадовались мы за наших американских грибонеофитов, да не столько за их трофеи, сколько за энтузиазм, проснувшийся в осеннем лесу.

Потом был пикник на океанском берегу, пустынном в эту пору. Мы с Андрюшей по традиции искупались, проплыв по пять метров. От холода, признаюсь, сводило не только ноги. На что, однако, не пойдешь ради удовольствия от самопреодоления.

Вечером же мы с удовольствием проводили мастер-класс по приготовлению грибов для Аниных друзей по университету, типичных будущих ученых по внешнему виду, интеллигентской застенчивости и внимательности к «педагогу».

Уже в Бостоне от Ани узнали: американские друзья в восторге и от тихой охоты, и от пасты с подосиновиками, которую сами приготовили. Вообще-то, американские американцы лесных грибов не едят, только магазинные. Дело вкуса, конечно, или безвкусицы. Не едят, значит, и не собирают. В лес ходят только на прогулки, а грибов в упор не видят.

Ну ладно, Бог с ними! Но мы – с ними, с грибами, конечно. Каждую осень, а бывало, что и до весны хватало.

Нахлынуло

В день 7-го ноября вышел для меня сюрприз сюрпризный, неожиданный-негаданный. Тим, коллега по супермаркету, дал мне монету, на первый взгляд – британский фунт. К чему бы, мелькнула мысль. При ближайшем рассмотрении оказалось, однако, советский рубль, выпущенный в 1965 году к XX-летию победы над фашистской Германией. Я был растроган, но не мог не спросить, где Тим взял монету. Выяснилось, что приобрел в интернете специально для меня.

Не уверен, что Тимоти знает, что в СССР день 7 ноября был большим государственным праздником. И уж он точно не осведомлен о том, что я до сих пор жалею об исчезновении этой страны с политической карты мира. Будем считать случайностью, хотя и символической, вручение мне подарка в «красный день календаря».

Памятная монета эта в какой-то момент словно вернула меня в 1965 год. Был он для меня переломным, а потому трудным, хлопотным и... многообещающим. С учебно-научного корабля, где три года отработал младшим научным сотрудником, я навсегда сошел на берег в Риге, где все начинал с нуля. Надо было искать прописку и снимать комнату, искать средства к существованию – корабельные накопления как-то незаметно иссякли. К тому же я осознал, что с моей университетской специальностью географа-климатолога жить уже неинтересно. Надо было искать возможность сменить и профессию.

К этому времени у меня уже было несколько публикаций в газете «Советская Эстония», так что уже знал, куда повернуть. Признаюсь, всякое бывало – и пачка пельменей с ложкой рыбьего жира на день, и ботинки из разных пар приходилось носить, сгорая от стыда перед людьми за внешний вид. Но помню, как и прежде, ежемесячно посылал родителям 15 рублей! Не волнуйтесь, дескать, у меня все хорошо! Как и во время работы на учебно-научном корабле, где зарабатывал прилично, да и жил в комфортабельной каюте на всем готовеньком. Мама меня, однако, каким-то седьмым чувством раскусила. Получаю однажды перевод на 75 рублей, отец написал: мама попросила послать.

Но было мне всего лишь 26! Посмотрите на фото той поры, где я среди коллег по одному из отделов конструкторского бюро завода гидрометприборов. На голове копна густых темных волос – расческой не продрать, глаза горят, улыбка во весь рот! Все хорошо, все впереди! Вокруг меня замечательные люди, не только устроившие мне жилье по карману, но и в любой момент готовые выручить пятеркой-десяткой из кассы взаимопомощи. Справа от меня красавица Таня Тормозова, правда, уже замужняя, но, как мне казалось, немного жалеющая, что мы поздно встретились.

К тому же мои опусы периодически публикуются в лучшей газете «Советская молодежь». Через пару месяцев я уже внештатный корреспондент на гонораре, потом в штате на полставки выпускающего, уже, как говорится, теплее. Вот и в штате.

Но были, не скрою, и такие дни в 1965-м, когда казалось – сломаюсь, вернусь на завод, где меня по-прежнему ждали. Со стабильной зарплатой и перспективой роста до старшего инженера.

Теперь, когда уже позади пятьдесят пять лет довольно успешной работы в любимой профессии, я горжусь тобой, мой 1965 год! Горжусь решением сменить орбиту, своей целеустремленностью, да чего там – горжусь собой в том году. Так что, считаю, с полным правом могу считать медалью памятный рубль, так неожиданно подаренный мне Тимом. С таким же основанием, полагаю, эту награду могут разделить «простые советские люди» – друзья и коллеги с завода и с «молодежки». Они помогли мне выстоять и сделать первые шаги на новом поприще. Теперь таких уже не делают, к сожалению.

Насколько я могу судить, американцы, не в пример Тиму, в большинстве своем не отличаются вниманием такого рода к коллегам, выходцам из других стран. Тим, пожалуй, единственный, кто за эти годы спрашивал у меня, откуда я родом, когда и почему оказался в Америке; интересовался, как звучит по-русски то или другое английское слово.

Советский юбилейный рубль, между прочим, второй подарок такого рода: как-то он преподнес мне реликтового белорусского «зайчика». Отсюда можно сделать вывод, что коллекционирование денег – хобби моего коллеги.

Почему же Тима вдруг заинтересовал этот пожилой русский тележкокататель? Боюсь ошибиться, но, похоже, дело в... комплименте. Помните у Окуджавы: «Давайте говорить друг другу комплименты, ведь это все любви счастливые моменты»?

Собственно, это был не комплимент, а правда, хотя она и есть лучший комплимент. Когда я впервые услышал, как Тим делает объявления по местному радио, подумал: с таким голосом этот парень вполне мог быть диктором на радио или телевидении. Подошел и сказал ему об этом.

Политикам и дипломатам на заметку: комплимент, оказывается, работает! С американцами – тоже!

P.S. С трудом, но я все же разыскал в своем архиве фотоснимок с коллегами по конструкторскому бюро. И огорчился – за 56 лет из памяти стерлись фамилии этих невероятно теплых людей. Но, удивительное дело: по мере того, как я вглядывался в их лица, имена-фамилии возвращались, хотя, к сожалению, и не все. Знаю, иных уж нет, но почему-то хочется их назвать.

Во втором ряду (слева направо): Эля Гусева, Луиза Жаворонкова, Анна Андреевна Фарих, кто за ней – не помню; потом – ваш покорный слуга, Таня Тормозова, Эльмар(?) Ильвес. В первом ряду: крайняя слева Ирена Сторчаева, крайняя справа – Женя Мошенкова. Единственный джентльмен в этом ряду – начальник нашего бюро Николай Иванович Попов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.